

литературное
НОВОЕ
обозрение

Содержание № 155 [1 2019]

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

7 *Шамшад Абдуллаев. После шестой затяжки*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО

14 *Татьяна Венедиктова. Литературный дискурс как теория социального*

27 *Анатолий Корчинский. Политика полифонии: опасная современность и структура романа у Достоевского и Бахтина*

42 *Йенс Херльт. «На каком расстоянии кончается человеколюбие?». Толстой и Достоевский в 1877 году: социальная эпистемология романа*

62 *Илья Бендерский. Дорога через метель: «путешествие-открытие» и поиск социальности в прозе Льва Толстого*

КАНОНЫ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

341 *Алексей Вдовин. Возвращение канона (Рец. на кн.: Gorak J. The Making of the Modern Canon: Genesis and Crisis of a Literary Idea. L., 2013)*

347 *Роман Лейбов. Поэзия XX века: пересборка канона (Рец. на кн.: Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Cambridge, 2017)*

353 *Ирина Головачева. Джеффри Коэн и все-все-все: обзор современной монстрологии*

363 *Мария Неклюдова. Опала Аполлона (Рец. на кн.: Sabatier G. Versailles ou la disgrâce d'Apollon. Rennes; Versailles, 2016)*

370 *Екатерина Дмитриева. Классика, классицизм, Винкельман и Россия: историческая метафизика прекрасного (Рец. на кн.: Древность и классицизм: наследие Винкельмана в России. Mainz, 2017)*

НА ПОЛЯХ

384 *Мильчина В. «Темнота какой-нибудь старинной легенды...» (По поводу кн.: Корф М.А. Дневник за 1840 год / Предисл., подгот. текста к печати и коммент. И.В. Ружицкой. М., 2017)*

387 Новые книги

411 *Константин Бурмистров. Альманах «Радио» и дебют Бориса Поплавского*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

420 *Инна Матюшина, Вера Полилова, Вера Мильчина. Гаспаровские чтения (ИВГИ РГГУ, 12–14 апреля 2018)*

442 Наши авторы

444 Summary

449 Table of content

453 Our authors

Ирина Прохорова

Татьяна Вайзер

Ольга Аннануров

Александр Скида

Абрам Рейтблат

Владислав Треть

Надежда Крыло

Константин Азадовский
кандидат филологических наук

Хенрик Баран
PhD. Университет штата Нью-Йорк в Олбани, профес

Николай Богомолов
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Татьяна Венедиктова
доктор филологических наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор

Елена Вишленкова
доктор исторических наук. Национальный исследовательский университет «Б

Шамшад Абдуллаев
(поэт, эссеист) chekshor@yandex.ru.

Павел Арсеньев
(Университет Женевы, ассистент) lartraulars@gmail.com.

Даниил Аронсон
(Институт философии РАН, научный сотрудник сектора истории западной философии; кандидат философских наук) aronson.d.o@gmail.com.

Илья Бендерский
(Государственный музей Л.Н. Толстого, старший научный сотрудник; кандидат философских наук) bender.beni@yandex.ru.

Константин Бурмистров
(Институт философии РАН, старший научный сотрудник; кандидат философских наук) kburmistrov@hotmail.com.

Татьяна Вайзер
(«НЛО», редактор отдела «Теория»; руководитель магистерской программы «Политическая философия» МВШСЭН; кандидат философских наук, PhD) tianavaizer@yandex.ru.

Алексей Вдовин
(НИУ-ВШЭ, доцент Школы филологии; PhD) avdovin@hse.ru.

Михаил Велижев
(НИУ-ВШЭ, профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук, PhD) nup.se.problema@gmail.com.

Татьяна Венедиктова
(МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет; зав. кафедрой теории дискурса и коммуникации, профессор; доктор филологических наук) tvenediktova@mail.ru.

Илья Веницкий
(Принстонский университет, профессор кафедры славянских языков и культур; доктор филологических наук) vinitsky@princeton.edu.

Томаш Гланц
(Университет Цюриха; PhD; доктор наук) tomas.glanc@uzh.ch.

Ирина Головачева
(СПбГУ, профессор кафедры английской филологии и перевода; доктор филологических наук) igolovacheva@gmail.com.

Екатерина Дмитриева
(ИМЛИ РАН, ведущий научный сотрудник; РГГУ, учебно-научный центр современных компаративных исследований, кафедра сравнительной истории литератур, профессор; доктор филологических наук) katiadmitrieva@mail.ru.

Алексей Завгородний
(Московский государственный строительный университет, старший преподаватель кафедры «Русский язык как иностранный»; кандидат филологических наук) almzav@yandex.ru.

Игорь Кобылин
(Приволжский исследовательский медицинский университет, доцент кафедры социально-гуманитарных наук; Научно-исследовательская лаборатория историко-культурных исследований ШАГИ ИОН РАНХиГС, старший научный сотрудник; кандидат философских наук) kigor55@mail.ru.

Анатолий Корчинский
(РГГУ, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания; кандидат филологических наук) korchinsky@mail.ru.

Роман Лейбов
(Тартуский университет, доцент кафедры русской литературы; PhD) roman.leibov@gmail.com.

Елена Марасинова
(ИРИ РАН, ведущий научный сотрудник Центра изучения русского феодализма; НИУ-ВШЭ, профессор Школы филологии; доктор исторических наук) LenaMarassinova@gmail.com.

Ольга Мартынова
(поэт, прозаик) martynova@online.de.

Инна Матюшина
(РГГУ, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований; доктор филологических наук) innamat@hotmail.co.uk.

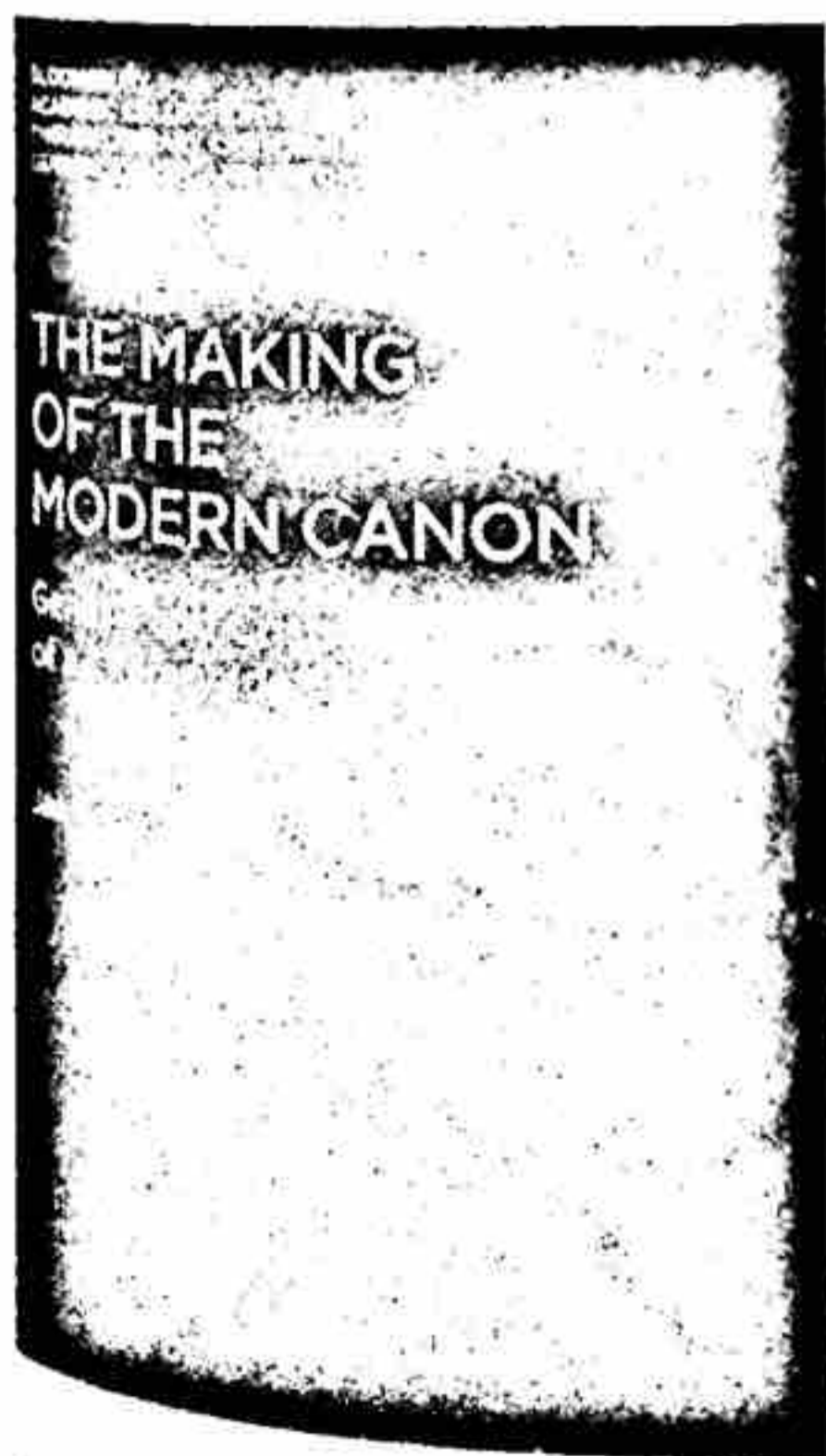
Алексей Вдовин

Возвращение канона

Gorak J. *The Making of the Modern Canon: Genesis and Crisis of a Literary Idea*

L.: Bloomsbury, 2013. — 309 p. — (English Literary Criticism).

Дебаты о каноне в американской и европейской образовательной и интеллектуальной среде отгремели еще в 1980—1990-е гг., поэтому разговор о книге Яна Горака на первый взгляд кажется несвоевременным. Тем не менее книга, впервые вышедшая в 1991 г., в 2013 г. была переиздана в серии «English Literary Criticism» издательства «Блумсбери», следовательно, претендует на статус по меньшей мере научной удачи. В российском контексте любое обсуждение литературного канона приобретает особую остроту, поскольку ни рефлексии над каноном, ни тем паче антиканонического поворота в русской постсоветской культуре не произошло и русский литературный канон, хотя и пополнился запрещенными или вытесненными из памяти в советское время книгами, на уровне системы образования и культуры по-прежнему остается жестким, неприкосновенным, по сути сакральным феноменом. Свидетельство тому — и отказ от обсуждения обязательного списка текстов для школы, и отсутствие переводов ключевых западных исследований о каноне, и отсутствие масштабных исследований русского канона. Характерный эпизод — изданный в 2017 г. издательством «Новое литературное обозрение» перевод «Западного канона» Гарольда Блума — книги блестящей, возможно, самой выдающейся книги о силе и ценности канона, но весьма консервативной. Были и другие важные и новаторские исследования, объяснившие, как возник феномен канона, какие идеи за ним стоят, как он функционирует и почему. Одно из них — первая история идеи канона от Древней Греции до конца 1980-х гг., написанная профессором Денверского университета Яном Горакком.

Главный тезис Горака сформулирован предельно лаконично: никакого единого, гомогенизирующего представления о литературном каноне никогда не существовало. Проследив историю греческого по происхождению слова «канон» и стоящих за ним представлений за более чем двухтысячелетнюю историю, Горак пришел к выводу, что различные значения, приписываемые этому слову, — стандарт, правило, возвышенная истина, шедевр, список книг для чтения — возникли в чрезвычайно разных культурных контекстах и предполагали совершенно разные методы трансляции ценностей (с. IX). Именно поэтому Горак предлагает создать расширительную категорию «канонических дискурсов» (или «дискурсов о каноне»), чтобы не допускать возвышения и гипостазирования канона до уровня репрессирующего и подчиняющего дискурса (с. X).

Первые две из шести глав книги прослеживают историю представлений о каноне, показывая их вариативность и дискуссионность в каждую из рассматриваемых

мых эпох. Здесь, однако, у читателя возникает вопрос: а что, собственно, становится объектом изучения Горака — дискурс о каноне или сам канон как пусть и не вполне рогенный, но вполне существующий в каждую эпоху феномен? На первый взгляд кажется, что, конечно же, первое — дискурс. Однако некоторые формулировки Горака противоречат такому впечатлению и заставляют увидеть в методологии Горака противоречат такому впечатлению и заставляют увидеть в методологии Горака некоторые забытые эпизоды истории канона», то, подразумеваемая дискурс, все же отчасти намекает и на сам феномен. Или же для Горака дискурс и есть феномен канона? Если так, то читатель во Введении не получает никакого разъяснения, как сам автор понимает соотношение дискурсивной и институциональной природы канона. Между тем, это основное противоречие книги возвращает нас к самой сложной проблеме всех исследований канона (и этой книги, в частности): как дискурс о каноне соотносится с социальным процессом воспроизводства и ранжирования культурных и эстетических ценностей, приписываемых текстам? Можно ли признать вслед за Гораком, что в каждую эпоху не существует монолитного канона? Существует ли некий литературный канон вне или наряду с дискурсом о нем? Все эти острые вопросы, к сожалению, не поднимаются в книге, ограниченной историей представлений о каноне, отложившихся в наиболее влиятельных текстах. Их лейтмотив, по мнению Горака, заключается в постоянном переопределении понятия литературной и эстетической ценности, а значит, и в подвижности критериев, по которым тексты в каждую эпоху отбираются в пантеон образцовых. На эту склонным считать себя его первыми в истории ниспровергателями. Однако история идеи канона говорит о другом.

В первой главе Горака обзрывает эволюцию идеи канона от ранней греческой античности до Средних веков. Уже в древнегреческих текстах Горака не находит единого значения греческого слова «κανον», обозначавшего прямую палку, прут, тростник. Наиболее древний, хотя и не дошедший до нас теоретический трактат о каноне принадлежал перу скульптора Поликлета и носил название «Канон». Сформулированные Поликлетом представления о человеческом теле циркулировали на протяжении тысячелетия, обозначая устойчивые и оптимальные формы репрезентации человека в камне, что и заложило основу первому значению слова «канон» — правило, стандарт. Однако Аристотель в «Никомаховой этике» релятивизирует понятие, противопоставляя его закону и тем самым подчеркивая гибкость канона. Античные трактаты заложили почву для нового значения слова «канон», которое возникло в I веке н.э. применительно к древнееврейским религиозным текстам, когда около 90 г. н.э. Совет города Ямнии (совр. Явне) объединил отдельные священные книги «Законы», «Пророки» и «Писания» в сборник, названный позднее Ветхим Заветом. Этот прецедент сделал возможным появление к 400 г. н.э. уже христианского канона книг Священного Писания («канон истины», получивший название Новый Завет). Таким образом, гуманистическое понимание канона в греческой культуре осложнилось божественным смыслом в христианской цивилизации. Из правила и технического стандарта канон превратился в сакральный нарратив с провиденциальным сюжетом, закрепленный в священных книгах, число которых строго ограничено и не подлежит расширению. В отличие от античного, влияние священного канона иудеев и христиан распространяется на все сферы жизни и определяет отношения между человеком, общиной и Богом. Горака остроумно замечает, что, когда современные критики литературного канона вскрывают его тотальность и встроенность во все сферы социальной и частной жизни, они, часто сами того не подозревая, покушаются на глубинные принципы христианской цивилизации.

Древнееврейская и ранняя христианская каноне, по мнению Горака, той же модели — список отобранных книг, который крайне консервативен в учебной заведении. Важнейшей вехой в закреплении канона является «О Граде Божием» списка священных книг, обязательной практикой, необходимостью. Во многом такой закрепились гибкого образца. Неудачей освободить «канон» от канонизирующих их толкований, разомкнувшего за

к античной поэтике. Горака встроившей его в возникший в 1747 г. известный критический к изданию Шекспира трактат принципы оценки, прилагавшиеся к нему консенсусному определению. Тогда же, в середине XVII века, борются за переопределение канона. Одним из образцовых текстов, в которых Давид Рункен, пособия к

Следующий большой период в истории канона означает как период всеобщего романтизма и размыкания канона абсолютной канонизации. В 1850-е гг. Горака проследил связанную с позитивистскими тенденциями в этой части внезапно, которое ранее не проблематично. пражения вокруг шекспировского канона.

Можно было ожидать, что в XIX веке Горака касаются этой проблемы. Горака литературы в XIX веке. Горака инструментом формирования канона. Горака возможна без мощного рынка пособий с рекогносцирует, что, в сущности, возможны, если бы не забытыми и уже в целом, можно

Древнееврейская и раннехристианская история представлений о религиозном каноне, по мнению Горака, весьма поучительна, поскольку делает наглядным механизм работы современного литературного и культурного канона, скроенных по той же модели — список отобранных, наиболее ценных для духовной жизни людей книг, который крайне консервативен и очень редко обновляется, постоянно толкуется в учебных заведениях (экзегеза) и является обязательным для освоения. Важнейшей вехой в закреплении такой традиции Горак считает книгу Аврелия Августина «О Граде Божием» (413—426 гг.), в котором идея канона как авторитетного источника священных книг, обязательных к прочтению, признается важнейшей социальной практикой, необходимой для регуляции доступа к истинному слову Господа. Во многом такой закрытый канон означал поворот вспять от аристотелевской модели гибкого образца. Неудивительно, что в период Реформации ее идеологи пытались освободить «канонические книги» от контроля церковных авторитетов, зурпировавших их толкование.

Вторая глава книги открывается описанием последствий реформационного движения, разомкнувшего закрытый августиновский канон, и ренессансного возврата к античной поэтике. Горак, впрочем, быстро перепрыгивает в XVIII в. — эпоху расцвета британской словесности, впервые рационализировавшей понятие «канон» и построившей его в возникающую систему нового типа литературной критики. Так, в 1747 г. известный критик епископ Глостерский Уильям Уорбертон в предисловии к изданию Шекспира трактовал каноны (во множественном числе) как рациональные принципы оценки, прилагаемые к тому или иному тексту и подверженные публичному консенсусному определению. С тех пор на протяжении трех столетий критики борются за переопределение канонов интерпретации и за ранжирование авторов. Тогда же, в середине XVIII в., начинают постоянно издаваться избранные отрывки из образцовых текстов, в первую очередь греческих и латинских авторов, для школьного изучения. Одним из пионеров этой практики был немецкий филолог-классик Давид Рункен, пособия которого переиздавались на протяжении всего XIX в.

Следующий большой период в развитии идеи литературного канона Горак обозначает как период всемирной литературы (Weltliteratur), который связан с эпохой романтизма и размыканием национальных и жанровых границ. Далее на примере абсолютной канонизации Шекспира и возникновения «шекспировского вопроса» в 1850-е гг. Горак прослеживает новую фазу эволюции представлений о каноне, связанную с позитивистской моделью производства знания и культурных ценностей. В этой части внезапно в повествовании возникает понятие «каноничность», которое ранее не проблематизировалось, но здесь обсуждается в связи с ростом напряжения вокруг шекспировского канона как символа канона вообще.

Можно было ожидать, что в этой главе будет раздел о соотношении литературных канонов и современного национализма на протяжении всего XIX в., однако Горак касается этой проблемы лишь на материале становления канона американской литературы в 1900—1940-е гг., который предсказуемо оказался важнейшим инструментом формирования современной нации. Национализация канона возможна без мощной книгоиздательской индустрии, и на примере огромного рынка пособий с рекомендательными списками в США 1900—1940-х гг. Горак показывает, что, в сущности, современные дебаты о каноне и его критика не были бы возможны, если бы не печатный капитализм, заполнивший полки всевозможными забытыми и уже канонизированными авторами. Только глядя на весь ландшафт в целом, можно вообразить, что в нем что-то не так.

Стрельбой главы Горак переходит к монографическому анализу взглядов наиболее влиятельных, с его точки зрения, теоретиков литературы и канона, существенно повлиявших и на способы интерпретации текстов, и на панорамное видение про-

цесса канонизации произведений искусства (литературы, в частности). Всех четырех героев книги — Э. Гомбриха, Н. Фрая, Ф. Кермоуда и Э. Саида, по Гораку, роднит понимание канона как «большого нарратива», своего рода «секулярного Писания», который от века повествует о происхождении, передаче, циркуляции ценностей, заключенных в самых известных произведениях литературы и визуальных искусств.

Первым в этом списке стоит сэр Эрнст Гомбрих, выдающийся историк европейской живописи. Его версию канона исследователь называет «функционалистской», поскольку она опирается, с одной стороны, на универсальные законы человеческого восприятия, а с другой, на технологии рисования, словари образов, методы нанесения красок — то есть ту техническую сторону искусства, которая обычно остается за пределами теорий, склонных к обобщающим представлениям канона как единого пространства культуры, как его понимает, например, Нортроп Фрай. По Гомбриху, канон отсылает к трем взаимосвязанным областям — во-первых, к репертуару профессиональных навыков любого художника, которые Горак обозначает «how to» («как сделать»); во-вторых, к нормам и практикам, присущим той или иной группе или направлению художников («how we», или «как мы [делаем]?»). И наконец, в-третьих, к пантеону образцовых работ от Рубенса до Сезанна, и это наиболее широкое понимание канона в работах историка.

Горак последовательно анализирует три расширяющихся круга понимания «канона», апеллируя к самым разным книгам Гомбриха — от ранней «Истории искусства» до работ 1980-х гг. При этом, нужно заметить, проблема эволюции метода не рассматривается и концепция Гомбриха выводится из всей совокупности его исследований. Такой ракурс вполне имеет право на существование, однако с точки зрения темы канонобразования было бы как раз продуктивно проверить, менялось ли отношение Гомбриха к канону в разные периоды и как его метод анализа канонических произведений сам стал каноническим и одним из самых признанных в искусствоведении и в интеллектуальной истории. Так, Горак сам отмечает, что наибольшее внимание Гомбрих всегда уделял именно первому пониманию слова «канон» — конкретным живописным традициям и изобразительным техникам. С такой точки зрения история живописи предстает непрерывной линией, однако существуют моменты разрыва, когда авторы хотят порвать с существующими канонами рисования и обновить их. Здесь происходит переход ко второму представлению о каноне как рефлексивному осмыслению своего творчества некой группой художников, в манифестах порывающих с предшествующей традицией и объявляющих о создании новой. Как отмечает Гомбрих, базовая черта процесса канонобразования заключается в том, что каноны перерастают свои изначальные установки. Результатом с течением времени становится список отобранных и признанных всеми шедевров, который Гомбрих называет «канонотворчеством». По мнению Горака, Гомбрих из всех разбираемых в книге исследователей более всех привержен страстной защите старого списка шедевров, что особенно заметно в его книге «Идеалы и идолы» (1979), в которой повествованию о великих художниках прошлого присущи риторика и патетика героизации.

В этой главе Горак, к сожалению, не объясняет, какое отношение Гомбрих имеет к истории идеи именно «литературного канона», которая составляет основной сюжет книги. Между тем было бы интересно проследить очевидные переключки его метода с методом других современных ему крупных теоретиков и историков культуры и литературы.

Следующим героем истории идеи канона становится знаменитый канадский литературовед Нортроп Фрай, который, в отличие от Гомбриха, понимал канон универсалистски — как единый канон человеческой культуры, выражающийся в мифологическом нарративе, столетиями пишущийся на одном-единственном языке архетипических образов, метафор и сюжетов, восходящих к мифологическому мыш-

Причину такой тяги к универсализму Горак усматривает в интеллектуальном контексте 1940-х и связывает с влиянием на Фрая книги Р.Дж. Коллингвуда «Идея истории» (1946) и полемикой с консервативным каноном Т.С. Элиота. Единство нарратива и внутренне присущая литературным текстам ценность обеспечивается, по Фраю, еще и тем, что все они являются лишь небольшими фрагментами «большого замысла». Литература создает мир, человеческий по форме, мир, в котором базовыми силами становятся «не атомы или гравитация, как в мире физическом, но любовь, смерть, страсть и радость» (с. 124). Как напоминает Горак, взгляды Фрая связаны еще и с тем, что он был священником Объединенных церквей Канады, откуда и определение Горакон типа фраевского канона как визионерского. Уже в первой своей книге «Пугающая симметрия», посвященной творчеству У. Блейка, Фрай вплотную подходит к идее циркуляции архетипических образов в искусстве. Блейке он находит парадигмальный образец канонического автора, чьи поэтические структуры выходят за пределы времени и пространства, трансформируя и библейские, и фольклорные образы. В вышедшей в 1957 г. «Анатомии критики» Фрай значительно развил эти идеи, предложив обобщающую концепцию трансмиссии универсальных ценностей через мифы и архетипы, которые оказываются важнее для понимания глубинных смыслов, нежели жанр, сюжет, тема или слог. В такой перспективе каноничный текст и искусство, по Фраю, всегда удерживают, пусть и на глубинном уровне, связь с мифологическими нарративами. У концепции Фрая есть и обратная сторона. Горак отмечает, что уже в «Анатомии критики» просматривается, что центральный миф Фрая покоится на взаимопроникновении христианских и романтических визионерских паттернов. В первом случае идея искупления лежит в основе фраевской периодизации истории жанров; во втором — романтическая идеология обожествления поэта питает понимание его роли в социуме.

Как показывает Горак, масштабный проект Фрая вышел за пределы академического мира — в систему канадского образования. Убежденный в том, что канонность «Великий код» (так называлась его книга 1982 г.), ученый стремился включить изучение мифов и связанных с ними нарративов в программу старших классов школы в большем по сравнению с предшествующими списками объеме. С другой стороны, сложно написанная «Анатомия критики» была «переписана» и «пересобрана» Фраем для самой широкой аудитории в книге «Образованное воображение» (1964), где мифопоэтика трактуется как неизбежная защита человеческого сознания от ужасов враждебной окружающей среды. Каноничные произведения литературы служат людям преобразователями и канализаторами страхов и полусознанных желаний. И в этом они повторяют главную функцию древних мифов — объяснять и рационализировать страшное и враждебное человеку. Чем больше таковой потенциал текста, тем он каноничнее.

В пятой главе, «Фрэнк Кермоуд и канон интерпретации», Горак обращается к еще одному, на сей раз британскому теоретику канона, а скорее — каноничности классичности литературных текстов, работы которого «Классика» (1975) и «Формы внимания» (1985) оказали большое влияние на дискуссии о каноне (примечательно, что на русский ни одна так и не переведена). Убежденный в невозможности исчерпывающе объяснить привлекательность каноничных текстов, Кермоуд тем не менее выдвигает три их свойства — открытость различным трактовкам, достаточную сложность структуры, обеспечивающую самую возможность выдвигать эти трактовки, и, наконец, противоречие, флер загадочности, также поддерживающий интерес к тексту на протяжении столетий. На сей раз Горак рассматривает взгляды ученого в диахронии, начиная с полемизирующей с каноном Т.С. Элиота ранней книги «Романтический образ» 1957 г. и книги «Смысл конца» (1967) и переходя к уже упомянутому, самым известным, работам 1970—1980-х гг., в которых Кермоуд

расширяет рамки анализа до институциональной основы любого канона — смысла и интенсивности интерпретации текстов внутри академического литературоведения. Выживание канонических текстов зиждется на постоянном отказе от неосновенности смысла произведения в пользу поисковой активности интерпретатора. Ключевую роль в этом процессе, по Кермоуду, играет академическое сообщество, которое, подобно Церкви, удерживает монополию на толкование шедевров и на постоянное приноравливание их смысла к современному моменту при сохранении неприкасаемого ядра. Жизнь текста в горизонте современности возможна только тогда, когда текст безоговорочно отдается на откуп интерпретатору. При этом Кермоуд вводит понятие «сакральных фрагментов» — наиболее часто разбираемых цитируемых отрывков произведений, приобретающих суперканонический статус. Таким образом, написать историю канона означает написать историю интерпретации того или иного текста или автора. Главная функция канона, согласно Кермоуду, заключается в фундаментальном человеческом желании заново интерпретировать и воображать прошлое в соответствии с повесткой настоящего.

Располагая итоговые работы Кермоуда на карте споров о каноне, Горак характеризует позицию ученого как компромиссную, поскольку, сохраняя оболочку форму канона как важнейшего механизма культуры, он все же релятивизирует его содержание. Так он готовит почву для рассмотрения героя последней главы книги — Эдварда Саида и его борьбы с канонами.

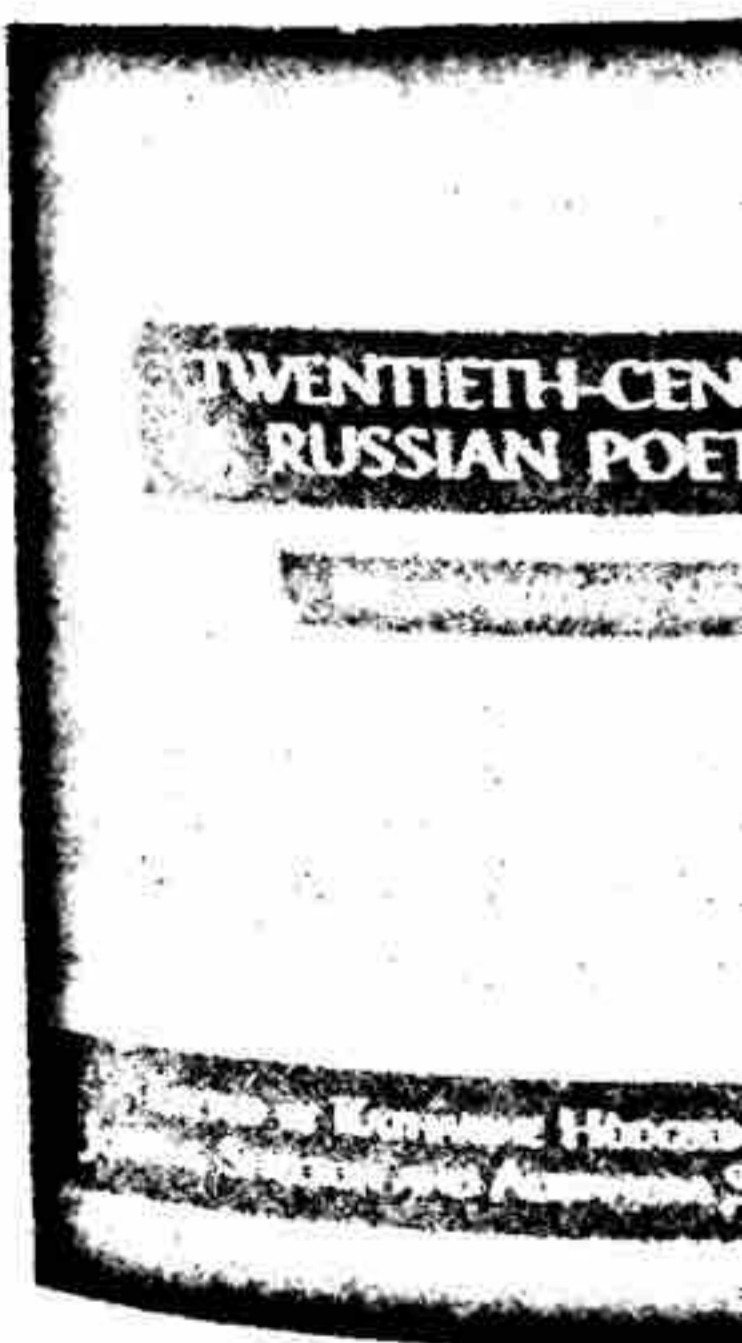
Самый радикальный и рефлексивный из всех представленных в книге Горак интеллектуалов, Саид расширяет понятие канона до «идеологии гуманизма», которая на протяжении нескольких столетий продвигала европейская цивилизация, сконцентрированная на самой себе. Уже в ранней книге «Начала» (1975) Саид задается вопросом, является ли такой порядок единственно возможным и гарантирует ли он спокойное будущее, в котором не будет места насилию. Справедливо объясняя генезис взгляда и подхода Саида его множественной идентичностью и прихотливой траекторией (араб-палестинец, протестант, получивший блестящее американское образование), Горак прослеживает, как в следующих работах «Ориентализм» (1978), «Мир, текст и критик» (1983) и «Культура и империализм» (1993) Саид разворачивает критику веками складывавшегося европоцентричного института канонизации текстов и транслируемых ими представлений о реальности. Продуктами этого института, по Саиду, являются и стереотипизированная презентация Востока в литературе как враждебного «другого», и европейский роман XIX в., оправдывающий имперскую экспансию, и другие феномены культуры, каноничность которых мешает современному читателю посмотреть на них свежим и непредвзятым взглядом.

В Заключение книги Горак речь идет о дебатах по проблеме канона в 1980-е гг. Их начало автор связывает с радикальным переосмыслением в 1970-х гг. в гуманитарных науках механизмов производства знания (кратко рассматриваются ставшие классикой работы Р. Барта, М. Фуко, К. Гирца, С. Фиша, П. де Мана, Р. Дарнтон и др.). В качестве альтернативы канону он рассматривает такие институционально мощные направления, как культуральные исследования (cultural studies) и новый историзм. В финале Горак констатирует, что к 1990 г. понятие «канон» стало крайне политизированным, так что употреблять его без пояснений в США и Европе стало трудно.

Хотя на этом американские дебаты о каноне в 1991 г. не закончились, благодаря книге Горак русский читатель может получить весьма рельефное представление о наиболее важных теориях канона второй половины XX в., которые по-прежнему остаются в России малоизвестными и невостребованными.

Twentieth-Century
Eds
Can

деценариумую колле
по очередь) ученых,
е внимание исследо
нциям национально
конкретных материа
как менялось предста
Наиболее отчетливо
представляется, в ста
данное стремление
неразличения «канон
нона как результата
и канонизации как п
иерархий (т.е. «язык
тельно эрудированн
ческого статуса ука
Моретти из Стэнфор
лагающие количест
матике некоторых с

ельной канониз
обе стороны Атла
та — (1) невинная
поэт/теоретик л
сия не
кие у
одно